Свидетельство сестры Галины Рытиковой



Дорогие друзья, уже здесь рассказывали, что дети росли без отцов и я тоже родилась без папы. Папу забрали в 1937-м году, я через месяц родилась. Нас было у мамы пятеро. Трудности были и переживания. Но Бог помог выжить и маме нашей вырастить детей.

После войны получили первое письмо от папы. Дети все довольны, рады, что папа будет дома. А я им говорю: «Зачем нам тот папа, нас и так много?»

Делили кусочки хлеба между собой. Мама на хлебозаводе работала, и один кирпичек хлеба можно было проносить. Как–то раз проверяют всех на выходе, а там женщины в марлю замотают тесто и обвернут вокруг живота своего, их щипают проверяющие. А мама никогда не брала лишнего. И говорит:

— Не трогайте меня, мне кусочек положено, я его и несу.

Они посмотрели на неё, а тут гора хлеба уже была отобрана у людей. Они увидели у мамы белый платочек на голове и говорят:

— Снимай платочек и забирай этот хлеб.

А мама в слезах и в смущении сильном, говорит:

— Я сейчас выйду с этого перехода, меня остановят и осудят.

— Нет, никто тебя не осудит.

Столько была радости — мама принесла много хлеба.

После войны началась переписка с папой. Мы жили в новостройке, а за ней было поле. И я как–

то говорю:

— Если папа придёт, я убегу в поле.

Мой старший брат работал на железной дороге, ему было 18 лет. И папа тоже работал проводником дальнего следования. Брату говорят:

— Ваня, ты можешь поехать до папы!

И папа пишет, что уже можно приезжать, и чтобы с собой взял чемоданчик с луком и чесноком. Были трудности, но Ваня добрался до Воркуты, вышел. А он в одном костюмчике, там пурга и метель. Мама одеялко детское кинула ему в вагон, не было постельного, после войны время, и он укутался с чемоданчиком в него и так зашёл в какое-то помещение. А там дедушка бородатый печку топит, подумал Ваня «погреюсь немножко, тогда буду спрашивать». Чуть позже дедушка ушёл, женщина заступила. Спрашивает её:

— Не знаете здесь ссыльный Михалюк Юрий Митрофанович?

— Нет, не знаю.

— А где здесь милиция?

— Я тоже не знаю.

А там ведь белые ночи, т. е. ночи нет совсем. Дедушка отдежурил, пошёл спать. Ваня вышел на улицу, и мимо идут работники, он их спросил, а тут и женщина что–то припомнила:

— Он истопником работает у нас, и фамилия знакомая! Я знаю, где он живёт.

И пошли они, жил он в вагончике–теплушке. Зашли к нему, он спит на нарах, борода укрытая. Женщина громко произнесла:

— Михалюк! Ты что? Оставил сына и пошёл в теплушку спать?

Он ноги опустил, как с нижней полочки вагона, глянул и… Ваню узнал по глазам, и они узнали друг друга. Такая была встреча с сыном.

Когда папа вернулся, привёз гостинцы, ехал через Москву, купил конфеты, сладости. Лёня подходит ко мне:

— Галя, набирай гостинцы, и тикай в поле.

Отец считает детей, не хватает одного и он нашёл меня на кровати, взял на руки, гостинцы даёт и я думаю:

— Какой хороший папа, можно с ним жить.

Папе не дали здесь приписку. Я ходила в первый класс, мама говорила, что всякие болезни были у нас, даже чёрная оспа, но Бог меня сохранил. Одна ямочка у меня на носу от этой оспы осталась. Бог хранил и глаза, и лицо моё. Приду со школы, папа берёт на руки, носит меня и говорит:

— Ну, что ж ты получила?

А я болела, часто оставляла школу, раза три подряд каждый год, может, ходила в первый класс. Я говорю:

— Папа, я не знаю, спрашиваю у учительницы: «что вы мне поставили». Он говорит: «не знаю, что тебе ставить. Три богата, два мало».

Потом мы переехали на Донбасс, и папа там немного пожил и отошёл в вечность.

Там у него была такая ситуация. Один подсудимый говорит:

— Давай убежим?

А он говорит:

— Нет, я спрошу своего Отца.

— А где твой отец?

— На Небе.

— Ну, спрашивай, я к тебе ночью подползу и разбужу, и убегать будем.

Он подошёл до папы, папа глаза открыл и говорит:

— Я ослеп.

Вот такая бывает болезнь, называется куриная слепота. На три дня папа ослеп:

— Я ничего не вижу. Мой Отец не разрешает мне бежать.

И папа один остался из пятерых братьев, которых взяли с нашего города.

Так что я понимаю, что если дети не знают отца, я тоже не знала, но потом уже полюбила папу.

Я работала в Совете родственников узников. Почтовый ящик был на меня, конечно, оформлен. Многие были злы на меня, когда посадили мужа и сына за детские лагеря. И ещё было постановление на меня о лишение родительских прав на десятого ребёнка, которому было месяц или два. Начали вызывать на допросы к следователю. Следователь женщина, Нелли Яковлевна, много она объясняла, рассказывала и говорит:

— Рытикова, не ходите без ребёнка, только с ребёнка.

А я замотаю его в пелёночки, коляски не было тогда, и иду на допрос. Прихожу, сажусь. Она мне говорят:

— Рытикова, скажите тайну воспитания ваших детей. Я собрала характеристики всех ваших десяти детей. Дай Бог, что бы все были дети такие, как ваши.

Вы знаете, думаю: «Господи, это Бог положил на сердце тебе, так сказать, чтобы ты дала радость моему сердцу, что не отнимут моих детей».

— Я расскажу тайну воспитания наших детей! Наша тайна воспитания детей заключается в Духе

Евангелия. Поэтому муж сидит мой и сын, за воспитание детей узников.

Она, конечно, об этом знала. В это время враг душ человеческих напал на нашу семью так, что думали всё. Приду от следователя и говорю: «Господи, почему Ты это не послал Жени Вельчинской, ни Шуры, ни кому. А вот почему–то ты мне допускаешь, что могут моих детей забрать, даже грудного ребёнка».

А потом через место Писания Господь говорит, что «сверх сил не пошлю, а по силам вашим». Говорю: «Господи, значит, Ты мне дашь силы в это время!?».

Я помню статью Ивана Яковлевича, он разговаривал с женой Нилой своей и говорит ему Нила:

— Ваня, я не переживу, когда детей будут отнимать.

А Иван Яковлевич говорит:

— Нила, а у тебя сейчас отнимают?

— Нет.

— Вот тебе сейчас эта сила не нужна. А в то время, когда Господь допускает нам большие испытания, Он даст силы всё перенести.

И так я разговаривала с Господом. И эта «капельница» на нервную систему, я считала, три месяца была.

И вот во Львове суд. Мне нужно ехать на суд. У меня грудной ребёнок, дочке было пять месяцев. Братья нашли мамочку кормящую и она днём кормила, у ней был свой ребёнок 7 месяцев и мою она взяла пятимесячную. На ночь привозят меня, я уставшая, дадут мне на ночь кормить и три дня вот так — туда–сюда.

На суде, конечно, их обвиняли. И Галю Вельчинскую обвиняли в том, что она воду брала с речки для того, чтобы варить кушать. А из присутствующих на суде был рыбак в свидетелях, он не слыхал, что говорит судья Гале: «Имеете к свидетелю слово?» и Галя говорит: «Да, имею!» и обращается к этому рыбаку:

— Вот вы идёте на рыбалку, и чтобы сварить уху, вы из дома везёте воду или же с речки?

А он стоит, большой мужчина, кивает головой:

— Да, чтобы настоящую уху сварить, нужно воду из речки взять.

И тут все зашумели: «А её обвиняют в этом, понимаете!» — и все засмеялись. — «Ну что ж ты судишь её, когда надо с речки взять воду, чтобы уху сделать, а ты её судишь за это».

Когда заходят судьи, стучат в стакан, он звенит, и прокурор говорит:

— Всем встать! Суд идёт!

Зал встаёт, а заключённые, за загородкой, тут же на колени опускаются, потом поднимаются. И второй день так же, они опять на колени втроём склоняются. А сзади охрана стоит с автоматами. На третий день судья будто прозрел, понял, что они молятся. А до этого думали, что те падают

на колени перед ними, милости просить или что. И снова «Всем встать! Суд идёт!» заключённые опять на колени. А судья уже говорит:

— Вас, что не касается? — а они молятся втроём, головы нагнули, сложили ручки. — Стража, поднять!

Солдаты прикоснулись рукой, все встали и сели на свои места. И когда в заключение сказали, что им по три срока, а это было на сцене. И выстроены они были так: сначала солдат стоит, потом Галя, затем опять солдат, а дальше Вова, потом опять солдат и дальше уже Павел Тимофеевич и замыкает его так же солдат. Пока они на сцене размещались в таком порядке, зал запел: «Любовь Христа безмерно велика». Ох, как долго звенел этот псалом в моих ушах. Они идут, медленно–медленно потому что хотят, чтобы больше услышать слов этой песни, потому что они год и два месяца были под следствием и за это время не слышали ни пения, ни Слова Божия. И так спустились они в подвальное помещение и их увели. Стали цветы бросать, и на «воронок», где воздух проходит, букет попал, так поехали с цветами они.

Когда лишение родительских прав было, Шура Козарез мне говорит:

— Галя, как ты не могла признаться, что у тебя лишение родительских прав?

Но ещё не решилось и не было известно перед тем, как я на суд поехала в Львов. Я говорю:

— Я такая спокойная была, зачем буду переживать? Бог всё даст!

И вы знаете, было определено лишение родительских прав. После суда я вернулась к себе и говорю:

— Я прибыла, что хотите, то и делайте…

— Хорошо, хорошо! — и вызывают меня на суд.

Группа друзей с Церкви, я с малышкой иду на суд. Захожу и говорю:

— Скажите, в каком зале будет слушаться суд? У меня друзья пришли.

Судья говорит:

— Да какой там суд! В этом кабинете решим, да и всё. Только ребёнка отдайте вашим друзьям в коридоре.

Думаю: «Слава Богу!», отдала ребёнка.

— Заходите!

Я называлась не подсудимая, а истец так, по закону.

— Встать!

Я встала, а там три человека присутствовало. А та женщина–следователь, которой я сказала, что в Духе Евангелия воспитываем детей, говорит:

— У меня единственный сын, за которого я боюсь, что он сядет на скамью подсудимых.

Вы знаете, это был крик сердца её. У нас десять детей, и все характеристики хорошие получили, а у неё единственный сын и она с большим страданием сказала, «я боюсь, что он сядет на скамью подсудимых».

Слава Богу, что наши дети все верующие. Этот суд прошёл, я так и не призналась им, что у нас было решение родительских прав. И когда я зашла она говорит присутствующим представителям из райисполкома:

— Как вы думаете, чтобы дети остались при родителях или же лучше в интернат забрать?

А они, как в один голос:

— Конечно, при родителях.

И суд решил - при родителях. Я говорю:

— Слава Богу! Спасибо вам!

Дали мне документ, что всё решено.

Как Михаил Иванович говорил, что это плата была за тот труд, который мы несли.

И хотели меня поместить в психбольницу. Приехала я из Кишинёва, от Веры Георгиевны, и брала девочку пять лет с собой, Аню. А мама–свекровь говорит:

— Галя, приходила врач, она так просила, чтобы ты пришла на Первую Конную в третий кабинет.

Город у нас маленький, шахтёрский и я говорю:

— Мама, это психбольница, я туда не пойду.

— Галя, она так просила!

Мама ей свидетельствовала и такая довольная, она её положила на диван, та отдохнула, а она с ней беседовала.

На следующий день опять приходит эта же самая женщина.

— Галина Юрьевна, ну что вы не пришли в кабинет на Первой Конной?

— А мы прекрасно знаем, что с нашими верующие там делали.

— Да ну, что вы! Но если милиция заберёт, то это шум, машины, люди. Ну зачем так? Кругом соседи... Могли бы так прийти, всё было бы хорошо.

А я говорю:

— Мы беседуем с Райисполкомом, с милицией, с КГБ, а с врачами, нам не о чем беседовать.

— Ну как же, а состояние вашего здоровья?

— О, — говорю (Даник у меня был тогда), — Я родила девятого ребёнка, больница моё здоровье знает.

И она так стонала, так уговаривала.

— А кто вы такая?

— А зачем вам?

— А, вот как? Значит, я не могу с вами разговаривать, вы даже не говорите вашу фамилию.

Ну, помню, что–то она сказала и ушла. Я быстренько встала на колени:

— Господи, вразуми меня, что делать!?

И на коленях, в молитве приходит мысль - уйти из дома. И только уйти, как Лота из Содома, гонит меня Господь, и всё. Я побежала к Али и Вали, две сестры недалёко, от нас жили. Аля, она здесь с нами сейчас, говорит:

— Галя, что ты хочешь?

— Я хочу уйти из дому. Забрать троих детей: 5 лет, 3 года и Даника, он сейчас здесь присутствует, ему 1 год и 7 месяцев было.

— Собирайся, я сейчас не работаю, я помогу выбраться.

И мы за два часа собрались и выехали с нашего города. Даник ещё соску сосал, бутылку, пелёнки, клеёнки. Тогда же памперсов не было. Собрала я узелочек для детей, и мы выбрались с нашего города.

Едем на такси через Луганск и заехали к подруге, вышли мы с ней подальше и я ей говорю:

— Шурочка, меня хотят поместить в психбольницу.

— И что ты хочешь?

— Едем к Лидии Михайловне.

Ночь мы ехали, утром добрались к ней, она была на рынке. Смотрит и понять не может:

— Как так? Вчера была у нас и сегодня опять?

— Лидия Михайловна, такое дело….

Она говорит:

— Да, мы готовы в тюрьмы, в лагеря, но в психбольницы мы все не готовы.

И мы всю ночь с ней беседовали.

— Какие у тебя планы, Галя? Что ты хочешь?

— Я в Белоруссию хочу.

— Хорошо.

Аля меня отвезла в Белоруссию, за домом будет присмотр, а там осталась мама свекровь, ей уже

80 лет и дети, три школьника. Ещё трое учились в училище в Луганске. И троих я взяла с собой, девять было в то время.

И через неделю Аля ко мне приезжает и рассказывает:

— Галя, на следующий день приехала зелёная машина с красным крестом. Врач в белом халате со шприцем, два дюжих санитара. Искали тебя везде, там где дрова, где уголь. В подвал, в кадушку лазили, в капусту. Смотрели под кроватями и всё стонали: «Не может быть? Вчера была, сегодня нет! Ну как так?»

Они открыли свою тайну, что хотели сделать. Они так стонали, маме говорят:

— Где она?

— Не знаю, может быть, в посольстве.

— В каком посольстве? Американском или баптистском?

— Да там, где ей заблагорассудится?

Они ушли не солоно хлебавши.

Семь месяцев я была в скитаниях, говорю Лидии Михайловне:

— Я уже готова ехать домой.

И Бог положил на сердце, я почувствовала, как наши братья в тюрьмах, в лагерях живут без семей, без нас, жён. Снится, что я дома. Точно. И это не сон, нет. Хожу по комнатам, довольная. Проснусь и опять не дома. И раза три так снились такие сны, что я дома, дома, дома.

Лидия Михайловна говорит:

— Хорошо, если ты готова к этому, мы за неделю раньше дадим телеграмму министру здравоохранения вашего города, в Москву, прокурору города, что ответственность за жизнь и здоровье Рытиковой ложится на вас.

А уполномоченный очень часто приезжал к нам домой и говорил:

- Пусть Галина приезжает домой, пусть живёт, что она там скитается?

— Вы напишите в газете, она и приедет, - говорит свекровь.

— О, что старуха захотела, в газете написать.

Но они вынуждены были так сделать. В то время писали о Винсах, и там три–четыре строчки было написано всего, что жители города Краснодона, подруги Валентина Панфилова и Андрющенко Нина наклеветали на Рытикову, что её хотели поместить в психбольницу, но этого не было.

Лидия Михайловна сказала, чтобы не являться мне в горисполком добровольно, только пусть забирают. Я слушалась. Но Серёже надо было идти в армию, и у квартального надо было подписать анкету.

Поздно вечером мы с дочкой Наташей стучим к нему, вокруг темно. А он же проверял нашу квартиру, и ему надо было донести, что я дома или нет, а меня семь месяцев не было. Стучим, а он:

— Кто там?

— Рытикова!

Удивился очень, очки снимает, в дом заводит. Всех нас усаживает, я говорю:

— Мне анкету надо заполнить на сына, в армию…

А ему поговорить хочется же.

— Ну, где ж вы были?

— Широка страна моя родная, Много в ней полей лесов и рек, - начала я в шутку.

А Наташа, говорит:

— Мама, я чуть не засмеялась, так объяснила ему хорошо, где ты пряталась.

Он заулыбался.

— Напрасно вы уезжали. Эти врачи наказаны, оказывается они заблудились, не в тот двор попали.

Я говорю:

— Да, они наказаны, потому что меня не привезли.

— О, нет, нет, нет! А сейчас если вы хотите работать, мы деток устроим в садик, в ясельки.

— Нет, мне надо подписать у вас анкету и всего лишь.

— Я сейчас не подписываю, вам надо в горисполком завтра идти.

— Ну, хорошо, спасибо.

Мы ушли. Утром я прихожу в горисполком, стою возле окна, зашла в кабинет, а меня из него выгнали, но всё равно стою у двери. Вдруг мимо меня секретарь горисполкома проходит, увидел, чуть ли не обрадовался:

— Галина Юрьевна, пойдёмте.

А он повестку мне присылал. Я ему говорю о том, что мне только анкету заполнить сыну. Вырывает у меня анкету, пошёл в тот кабинет, там заполнили:

— Теперь пойдём к нам.

И мне с этой анкетой надо зайти опять к нему.

— Галина Юрьевна, я вам скажу, — и точно, видимо у них было совещание, он повторил те же слова, что и квартальный, слово в слово, — Напрасно вы убегали. Вы знаете… Эти врачи

заблудились, не в тот двор попали. Они наказаны за это.

— Да, наказаны, потому что меня не привезли.

— Нет, Галина Юрьевна, нет!

И опять уговаривает меня, чтобы я поступила на работу. Вечером, когда уже темно было, а в нашем районе одна гора, а под горою только кладбище — стучатся в дверь. Заходит секретарь и говорит:

— Галина Юрьевна, это я мимоходом.

Я думаю: «И где уж тут мимоходом, никакой организации, кроме кладбища и горы».

— И вот зашёл к вам. Вас никто тут не беспокоит? Кто будет беспокоить, пожалуйста, заходите к нам, мы будем принимать меры.

— Спасибо за такую охрану, у нас хорошо пока.

В школе историк был, а сын Петя слабенький у нас рос, я зашла в первый раз после семи месяцев в школу. А все знали, что я ушла из дому. Моя Наташа активная была, и как-то на уроке истории проходили тему «Защита прав человека». Она подняла руку:

— Скажите, пожалуйста, а как это получается? Защита прав человека, а мою маму, здравомыслящую, хотели поместить в психбольницу?

А учительница ей говорит:

— Наташа, сядь. Ты поняла неправильно. Садись, садись.

На перемене её окружили и ребята начали спрашивать, она начала рассказывать в открытую.

А этот историк, пожал мне руку через стол:

— Рытикова, я с вами солидарен. Как же вы дальше думаете?

А я говорю:

— Бог мою жизнь сохранил до этого места, и верю, что Бог и в дальнейшем меня сохранит.

— Скажите, — говорю я, — У вас под стеклом список и там я вижу фамилию моего сына, почему?

— Понимаете, приходят люди, за него спрашивают. А я ему говорю: «подождите, мальчик подрастёт и все поймёт».

И слава Богу, он понял и до сих пор верующий, имеет 11 деток. Слава Богу!

Так Господь вёл, нас, тех, которые подвязались в Совете родственников узников.

В Лозовой мы собрались на Совет родственников узников и за нами были «хвосты», так их называют. И только разложили документы — стучат в дверь. Открываем, а там милиция, горисполком: «Собирайтесь, в машину!» Надо собираться, везут нас в милицию. Посадили там в комнату, а немного раньше нам сестра продуктов с собой дала со словами, что возможно мы

задержимся. И мы покушали, помолились, поблагодарили Господа и поём в ленинской комнате. А милиционер прижал двери и держит нас, не пускает никуда, покуда там решится за нас. До полуночи нас держали, судью вызвали и начали судить. Кому семь суток, кому восемь, кому больше дали. Восемь сестёр, и даже больше было, ещё два брата. И повезли нас в тюрьму. Огромный замок висит на камере, ключом большим открывает охранник его, засов открывает — заходите. Мы заходим, и сразу на молитву, помолились. Пели долго, вспоминали наших мужей: «Вот Господь нам дал вкусить хоть немножко того, что они перенесли и переносят».

Первый срок мой муж отбыл 5 лет, потом 3 года, 2 года — 12,5 лет общий срок был. А дежурный окошка открыл и говорит:

— А ну прекратите петь! У нас не концертный зал здесь!

А мы не слушаем. Мужей забрали, нас забрали, что нам делать? Приходится петь, молиться и Бога благодарить. А потом звонок, он кинулся к нему, а форточка открыта, и мы слышим как тот с кем–то говорит. Из горисполкома, из КГБ спрашивают, чем мы занимаемся. А он отвечает: «То поют, то молятся! То молятся, то поют!» Хорошее свидетельство, будем продолжать петь. И так семь суток.

Гремят засовы, лязг металла, заходит медсестра, которая, берёт кровь. Поставила свои пробирки, открыла ящик: «Будем сдавать».

А мы в один голос:

— Мы многодетные матери, мы кровь пролили. У нас по 11–12 детей, кровь пролили при рождении своих деток. Никакой мы крови вам не дадим.

Стоит эта женщина растерянно, собрала пробирки и ушла.

Приходит день освобождения. Окна были частично разбиты и мы становимся на подоконник, а рядом в камере Шура с Лидой сидели, они в розыске были. И такое решение было:

— Сёстры! Галя! У тебе завтра день освобождения. Как вы думаете? Моё предложение, чтобы она не уходила. Нам всем одна статья, но почему–то одним семь суток, кому–то десять, кому–то восемь. Пусть Галя не сдаётся.

Я говорю:

— Хорошо, буду слушаться, не буду выходить.

День освобождения мой, приходит милиционер:

— Рытикова с вещами на выход!

А мы выстроились в ряд и сидим на нарах, ножки опустили.

— Рытикова! День освобождения! С вещами на выход!

— Я выходить не буду!

Удивляется.

— Ничего себе. Почему?

— Потому что у нас одна статья, и я не хочу одна выходить. Я хочу, чтобы вы всех освободили, и тогда я выйду.

Он замыкает двери и ведёт начальника тюрьмы, приговаривая:

— Тут никого почитай не втолкнёшь сюда, а этих и не вытолкнешь отсюда. Что это такое? Что вы за люди?

Начальник сам улыбку еле сдерживает на устах:

— Рытикова, у вас день освобождения.

— Я понимаю.

— Вы должны сейчас же освободить камеру.

— Нет, я не освобожу.

— Почему?

И опять объясню.

— Так, вот свидетели. Сейчас мы составим акт, что вы не хотите выходить и эти все ваши сёстры, как вы говорите, освободятся, а вам будет продлён срок ещё сидеть.

Ну и тут все сёстры заходили так. И Люба Костюченко первая говорит:

— Сёстры, давайте освободим Галю, пусть с миром идёт?

— Да, да, Галя, ну всё! — я поцеловала их, попрощалась, говорю, — Ну если с миром, сёстры, я пойду. А если нет…

— Не, не, Галя, иди с миром!

Они мне напутствие дают:

— Там сейчас тебя молодёжь будет встречать, как обнимут, держись молодёжи, иначе могут выхватить тебя в «воронок» и увезти.

Так мы представляли себе опасности.

Нина моя дочь старшая была, с букетом цветов. И куда же мы идём? На ту же хату, откуда нас забрали. Там был стол накрыт. Я прихожу, а там Шура сидит с Лидой, их раньше освободили, чем меня. И тоже с документами.

И вдруг тарабанят опять, опять те же гости в ту же хату. Что опять то?

А наш поезд только ночью идёт. Шура говорит им:

— Слушайте, вы прекрасно знаете, что наш поезд идёт ночью, проездом, через эту Лозовую станцию, в ночь, мы выйдем. А сейчас мы покушаем.

— Собирайтесь.

— Нет–нет, мы не уйдём. Разрешите нам покушать, повстречаться?

— Ну смотрите…

В ночь мы выбрались на станцию, а там столько глаз. И билетов нет... нас долго мариновали, но в конце концов дали билеты и поехали мы домой. Так мы с Лозовой отправились.

Слава Богу, все было хорошо.

Вопрос: А сколько у вас внуков?

Галина Юрьевна: 62 внука, 20 правнуков. И в проекте 5 правнуков.

Свидетельство Галины Юрьевны Рытиковой на 50-летии Совета родственников узников (Москва, 2014):

Пение «Когда зажгутся фонари»

Источник аудио и фотографий











Комментарии